

Оригинальная статья / Original article

УДК 111.1+316.3:316.4

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-5-265-276>**Современный политический миф:
социально-онтологический анализ****Д. Н. Букин¹, Н. В. Волохова^{2✉}, Ю. И. Медникова¹**

¹ Волжский филиал Волгоградского государственного университета
ул. 40 лет Победы, д. 11, Волгоградская область, г. Волжский 404133, Российская Федерация

² Курский государственный университет
ул. Радищева, д. 33, г. Курск 305000, Российская Федерация

✉ e-mail: volna-sha@rambler.ru

Резюме

Актуальность. Обращение к теме социально-онтологического исследования политического мифа вызвано тем, что в условиях стремительно усложняющейся социально-политической реальности и появления качественно новых сущих общественного и политического бытия в отечественной и мировой литературе практически не освещаются концептуально-целостные подходы к изучению политического мифа на фоне множества политологических, лингвистических и социокультурных исследований.

Цель – раскрыть онтологическую сущность политического мифа в рамках его теоретического и практического применения с учетом специфики социальных процессов, протекающих в современной мировой политике.

Задачи: изучить историю становления и основные подходы к определению понятия «политический миф»; дать уточненное определение понятию «политический миф» в рамках нашего исследования; провести категориальный анализ отдельных сторон современной политической реальности; сформулировать рекомендации по социально-онтологической интерпретации современного политического мифа и работе с ним в мировой политике, дипломатии и общественной жизни.

Методология. В качестве методологической основы использовались категориально-логический, системно-структурный, диалектический метод, а также герменевтический и семантический анализ.

Результаты. Проанализированы принципы, стратегии и подходы социальной онтологии в преломлении к современным реалиям мировой политики.

Выводы. Результаты проведенного нами анализа показали, что феномен политического мифа имеет собственную историю становления и изучения преимущественно в его связи с социологическими, политологическими, социально-философскими, социально-психологическими и психолингвистическими исследованиями. В рамках настоящего исследования через призму социальной онтологии мы рассматриваем как динамику, так и инварианты процессов мифологизации и мифотворчества, пребывающих в состоянии перехода от «однополярности» к «многополярности». Так мы приходим к пониманию политического мифа как системы атрибутивных и модальных «координат», задающих модель социально-политического явления, или процесса в контексте властных отношений (со)подчинения. Полученные результаты могут быть применены в законотворчестве, дипломатической деятельности, «демифологизации» и «перемифологизации», преподавании различных курсов, например, по социальной и политической философии.

Ключевые слова: социальная онтология; политический миф; философские категории; мифологизация; мифотворчество.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Букин Д. Н., Волохова Н. В., Медникова Ю. И., 2024

Для цитирования: Букин Д. Н., Волохова Н. В., Медникова Ю. И. Современный политический миф: социально-онтологический анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 5. С. 265–276. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-5-265-276>

Поступила в редакцию 07.08.2024

Принята к публикации 05.09.2024

Опубликована 31.10.2024

Modern political myth: socio-ontological analyses

Dmitry N. Bukin¹, Natalia V. Volokhova² ✉, Yulia I. Mednikova¹

¹ Volzhsky Branch of Volgograd State University
40 Let Pobedy Str. 11, Volgograd Region, Volzhsky 404133, Russian Federation

² Kursk State University
33 Radishcheva Str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: volna-sha@rambler.ru

Abstract

Relevance. The appeal to the topic of socio-ontological research of political myth is caused by the fact that in the conditions of rapidly becoming more complicated socio-political reality and the emergence of qualitatively new entities of social and political existence, conceptually holistic approaches to the study of political myth are practically not covered in Russian and world literature against the background of many political science, linguistic and socio-cultural studies.

The purpose is to reveal the ontological essence of the political myth within the framework of its theoretical and practical application, taking into account the specifics of the social processes taking place in modern world politics.

Objectives: to study the history of formation and the main approaches to the definition of the concept of "political myth"; to give a refined definition of the concept of "political myth" within the framework of our research; to conduct a categorical analysis of individual aspects of modern political reality; to formulate recommendations on the socio-ontological interpretation of modern political myth and work with it in world politics, diplomacy and public life.

Methodology. Categorical-logical, system-structural, dialectical method, as well as hermeneutical and semantic analysis were used as a methodological basis.

Results. The principles, strategies and approaches of social ontology in relation to the modern realities of world politics are analyzed.

Conclusions. The results of our analysis have shown that the phenomenon of political myth has its own history of formation and study mainly in its connection with sociological, political science, socio-philosophical, socio-psychological and psycholinguistic studies. In the framework of this study, through the prism of social ontology, we consider both the dynamics and invariants of the processes of mythologization and myth-making, which are in a state of transition from "unipolarity" to "multipolarity". This is how we come to understand the political myth as a system of attributive and modal "coordinates" that define a model of a socio-political phenomenon or process in the context of power relations (co) subordination. The results obtained can be applied in lawmaking, diplomatic activities, "demythologization" and "peremythologization", teaching various courses, for example, on social and political philosophy.

Keywords: social ontology; political myth; philosophical categories; mythologisation; myth-making.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Bukin D.N., Volokhova N.V., Mednikova Yu.I. Modern political myth: socio-ontological analyses. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2024;14(5):265–276. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-5-265-276>

Received 07.08.2024

Accepted 05.09.2024

Published 31.10.2024

Введение

Понятие «политический миф» в настоящее время вышло за рамки специального научного текста и активно используется в публицистике, средствах массовой информации, дипломатическом дискурсе. Зачастую понимание политического мифа ничем не отличается от дефиниции мифа социального. Философия, социология и психология XX столетия богаты на исследования социальной мифологии: о мифологической природе социального упорядочения одним из первых начал рассуждать Ф. Ницше [1]; Ж. Соррель и Клод Леви-Стросс писали о национальных мифах; Р. Барт [2], рассматривал семиотический аспект социального институционального; специфическую интерпретацию коллективного бессознательного как мифа предложил З. Фрейд [3], наиболее близко к политической природе мифа подошел Э. Кассирер [4] и т. д.

Исследователи XXI в., в значительной мере синтезировав и продвинув идеи предшественников в эмпирическом плане, развивают собственные представления о рассматриваемом объекте. Так, К. Флад определяет политический миф как «идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего и воспринятое социальной группой как верное в основных чертах» [5, с. 43]. С другой стороны, некоторые авторы указывают на смешивание феноменов «политический миф» и «политическая идеология», представляющих собой одновременно сходные и различные «формы воплощения активности субъектов политического процесса» [6, с. 50]. О. Г. Рюмкова и вовсе предлагает рассматривать политический миф как специфический вариант мифа традиционно¹ и т. д. Едва ли найдется автор, не свя-

зывающий политический миф с манипулированием общественным сознанием, равно как и отрицающий символический характер того самого повествования, о котором говорит К. Флад. Д. И. Гигаури пишет: «Политический миф является базовым средством символизации политической реальности, т. е. выполняет символическую функцию передачи сознательно конструируемых властью представлений о политической действительности и проясняет существующую социальную и политическую реальность очевидными и визуально-осязаемыми знаками и образами»².

Между тем уже у Э. Дюркгейма в его знаменитом призыве рассматривать социальные факты как социальные вещи мы видим идею о том, что «социальная реальность» в своей «вещности» подобна реальности физического мира и обладает схожим онтологическим статусом» [7, с. 33]. Таким образом, наше обращение к социально-онтологической артикуляции рассматриваемого феномена позволяет сместить акцент с социально-психологического восприятия политической реальности коллективным сознанием на собственно онтологическую, со(бытийную) природу политического мифа. Ведь, по сути, большинство авторов, включая всех процитированных выше, так или иначе обращаются к понятиям «событие», «реальность», «действительность», «процесс» и т. п. Кроме того, именно онтологический подход позволит более детально остановиться на *власти* как на специфицирующем «категориальном ядре» политического мифа, в силу ряда причин оставленном в тени современными авторами.

Так мы подходим к обоснованию понятийного и методологического аппарата настоящего исследования.

¹ Рюмкова О. Г. Политический миф: теоретические основания и современная политическая практика : дис. ... д-ра полит. наук. М., 2007. 152 с.

² Гигаури Д. И. Политический миф и ритуал в структуре современной символической политики: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016. С. 15.

Материалы и методы

В опубликованных ранее работах нами была показана эффективность проведения онтологического исследования социальных объектов в форме дедуктивного разворачивания системы онтологических и модальных категорий [8]. Под онтологическими основаниями социального процесса или явления мы будем понимать систему философских категорий, задающую смысловые «координаты» объективно существующих явлений, изменений, отношений в общественной жизни. Данная система будет представлена прежде всего такими фундаментальными онтологическими категориями, как субъект и объект, пространство и время (в основном речь пойдет о социальных пространстве и времени), отношения, тождества и различия, качества и количества; модальными категориями действительного, необходимого и возможного. Данный подход, впрочем, не исключает (и даже подразумевает) рассмотрение экзистенциального, социально-философского, лингвистического, культурологического и других аспектов проблемы.

Для проведения исследований применялись следующие методы:

– категориально-логический, который позволил эксплицировать основные термины и определения социальных и политических теорий мифа;

– системно-структурный метод, применяемый для установления структурных связей социальной онтологии с политологией, социологией, политикой, культурой, образованием и другими гуманитарными областями;

– диалектический, помогающий вскрыть противоречивую природу современного политического мифа, в том числе отражаемую с помощью парных онтологических и модальных категорий.

Результаты и их обсуждение

Часто содержание родового понятия в дефиниции политического мифа рас-

крывается как «повествование», т. е. символически оформленное разворачивание смыслов, имеющих статус объективной реальности, но не совпадающих с ней. Под мифом в целом мы будем понимать *форму мировоззрения*, с самого начала выходя не на категориальную оппозицию «знак-означаемое», а на категориальную пару «субъект-объект». В современной (пост)неклассической социальной философии и социологии это довольно популярный подход, связанный с весьма популярным «парадоксом» интерсубъективности субъект-объектной дихотомии. В качестве обоснования такой «непопулярности», как ни странно, часто приводятся не чисто логические, а психологические и семиотические аргументы. Более глубоко и предельно наглядно это демонстрирует критика социальной теории Э. Дюркгейма в целом и ее центрального понятия «социальный институт» в частности с опорой на труды Г. Райла и Л. Витгенштейна: «Имея в виду проделанный Райлом и Витгенштейном анализ базовых концептов нашего мышления, мы должны, очевидно, признать, что дюркгеймовское определение понятия “институт” (а вместе с ним и вся логика построения понятийного аппарата социальной теории Дюркгейма) в значительной степени основана на категориальных ошибках и связанных с ними мифологических представлениях о “сознании”, “субъекте” и “действии”, унаследованных Дюркгеймом из старой традиции философской метафизики» [7, с. 42]. Примечательно, что данная позиция – продолжение общей критики «мифа Декарта» с его «пространственной» дихотомией «сознание-тело»: социальное явление, событие, институт, процесс и т. п. не должно мыслиться как нечто внешнее по отношению к субъекту (социальному актору) подобно «пространственной области», имеющей свои «внутри» и «извне». Не останавливаясь подробно на данном интересном и глубоком споре со-

временности со «старой метафизикой», отметим: согласно свойству взаимной рефлексивности, категориальная пара «субъект-объект» действительно *онтологически* связана с категорией пространства, но эта связь очевидна, хрестоматийна и конкретно в нашем исследовании не представляет особой ценности. Это объясняется тем, что подобное использование категории пространства – скорее метод аналитической философии, а не философской онтологии (о ее системном, *атрибутивном* понимании во избежание «категориальных ошибок» речь пойдет ниже). Политический миф не является однозначно «внешней» и однозначно «внутренней» реальностью. Он суть системы взглядов субъекта (в определенном отношении могущего быть и объектом) на сегмент внешней реальности, которая непарадоксально может включать и самого субъекта (вопрос только в его онтологическом статусе, т. е. в том, в какое время, в каком качестве, количестве, отношении, в какой модальности и т. п. он явлен). Таким образом, в нашем случае мифологизации подлежит *объективная*, в первую очередь политическая реальность, атрибутивные характеристики которой рационализируются только с помощью предельных онтологических понятий.

Дедуктивное разворачивание категориальной «сетки» удобнее всего начинать с затронутой выше категории пространства и, далее, «парной» ей категории времени. В социальной онтологии к физической трактовке пространства-времени добавляется формализация новых качеств социальных процессов и явлений, учитывающая значительное изменение представлений о неевклидовом пространстве и неастрономическом времени. П. А. Сорокин определял положение человека или социального явления в социальном пространстве через «его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за ...точки

отсчета» [9, с. 298]. Таким образом, по аналогии с евклидовым, в социальном пространстве также задаются свои «координаты». У Сорокина «социальными координатами» выступают семейное положение, гражданство, национальность, отношение к религии, профессия, принадлежность к политическим партиям, экономический статус, происхождение и т. д. В контексте специфики нашего исследования обратимся к интересному исследованию А. А. Целыковского, для которого основная – онтологическая – функция социально-политической мифологии заключается в том, что «политическая мифология, редуцируя сложную картину социальной реальности, представляет субъекту и социуму простые и понятные образы (свои и чужие, центр и периферия и т. д.)» [10, с. 23]. Хорошей иллюстрацией использования «пространственной детерминации» в ходе мифотворчества (не путать с неосознанно или стихийно протекающей мифологизацией) может послужить резонансная статья, опубликованная в октябре 2023 г. в издании Politico, озаглавленная Russia's Slaughter of Indigenous People in Alaska Tells Us Something Important About Ukraine (в переводе «Резня коренных жителей Аляски, устроенная Россией, расскажет нам нечто важное об Украине»)¹. В ней предпринята попытка представить Россию в качестве символа абсолютного зла, как субъекта, попирающего все общечеловеческие представления о добре и морали. Автор статьи пытается внушить своей читательской аудитории мнение о России как об агрессивной колониальной державе, представители которой с особой жестокостью вырезали коренное население

¹ Russia's Slaughter of Indigenous People in Alaska Tells Us Something Important About Ukraine. URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2023/10/27/russia-colonization-alaska-ukraine-00123352> (дата обращения: 11.07.2024).

ние Аляски, одновременно представляя США как гуманное государство, как абсолютный антипод России. В данном примере четко прослеживается синтез физической (географической) и социальной пространственной детерминации, сразу на нескольких уровнях способствующей преобладающему рациональному восприятию в массовом сознании читательской аудитории: 1) страны-«агрессора»; 2) страны-«защитника»; 3) промежуточной (и географически, и социально) «территории-жертвы». Другими словами, используются неразмытые концепты: «ООН», «Евросоюз», «коллективный Запад» и т. п., размывающие пространственные границы поиска «виноватых», – все однозначно привязывается к конкретным странам-территориям с конкретными социально-политическими «координатами»: большие, сильные полиэтничные страны с богатой историей, с одной стороны, и малый народ-«жертва» – с другой.

«Социальное время» как категория социальной онтологии, парная к категории «социальное пространство», также задает свою систему отсчета с определенной отправной точкой, а именно социально значимым событием [11]. Поскольку в когнитивном пространстве американского читателя в результате длительного процесса создания общественного мнения при помощи СМИ уже сложились и прочно заняли свою нишу устойчивые стереотипы со знаком «минус» по отношению к России, заказчики данного материала с успехом могут добиться своей коммуникативно-прагматической цели. Особенно легко этого добиться с учётом общепризнанного повсеместного разрушения исторической памяти, что не позволяет читателю критически оценить текст. Подобный символ врага и агрессора аудитория может принять без колебаний. При помощи такого «экскурса» в историю, закрепляя соот-

ветствующие негативные ассоциации, автор очень умело проводит историческую «параллель» между поданными им со своей точки зрения событиями и происходящим в данное время на Украине: *practices from tsarist times to the present (что практикуется с царских времён по настоящее время)*. Другим, не менее красноречивым примером является использование нацистской символики ВВС Финляндии или ВС Украины, – ясно, что данные «метки» имманентно темпоральны и направлены на устрашение современных армий противника с помощью мифа о могуществе канувшего в небытие Третьего рейха.

Детерминация онтологических «ориентиров» в пространстве-времени (в том числе социальном) категориально связана с не менее важной, фундаментальной категорией отношения. В данном ключе весьма продуктивными выступают принципы релятивной онтологии, отраженные в трудах П. М. Колычева [12] и В. Н. Сагатовского [13], согласно которым социальное бытие есть не что иное, как «социальное отношение». В приведенной выше статье Politico автор воздействует как на рациональную, так и на эмоциональную сферы восприятия своего адресата с целью укрепить в сознании своей аудитории уже сложившиеся стереотипы и дискредитировать оппонента с помощью лексической единицы *Slaughter*. Этот мощный эмоциональный раздражитель, знак вербальной агрессии, помещенный в непосредственной близости с названием страны *Russia* в самой сильной позиции статьи, а именно в заголовке, призван сформировать резко негативное отношение читателя к объекту, о котором идёт речь. На языке релятивной онтологии происходит подмена формулы со(отношения) aRb на формулу тождества aRa (то же самое можно сказать и о примерах с нацистской символикой, рассмотренных ранее). Сам по себе заголо-

вок, содержащий лексему *Slaughter*, уже в состоянии вызвать резкую негативную информацию читателя (как подготовленного, так и неподготовленного), а дальнейший тон статьи и подавно задуман привести к тому, что некоторые современные исследователи называют «резким занижением объекта» с целью вывести военного противника за пределы человеческих норм [14, с. 123]. Ясно, что при соответствующем спросе и умелой подаче подобной информации совершенно не имеет значения объективность или необъективность излагаемого материала.

Применительно к политической мифологии, особенно если речь идет о политическом мифотворчестве, важно не упускать из виду властную компоненту мифа: в большинстве случаев речь так или иначе идет об отношении подчинения социальных акторов какой-нибудь, вплоть до нерационализируемой ницшеанской, или чьей-нибудь воле. Так мы выходим на понятийную пару взаимно-рефлексивных уточняющих категорий тождества-неравенства, в нашем случае – социально-политического. И снова пример из Politico. Для обеспечения необходимого эмоционального сопровождения и с целью добиться нужной интерпретации излагаемого в статье материала автор широко использует лексику, несущую в себе маркеры агрессии, подчинения: *racial division, violence and injustice* (расовое разделение, насилие и несправедливость); *enslavement of Aleut people* (порабощение алеутов); *violation of Native women* (насилие в отношении местных женщин); *murder and theft of Indigenous property* (убийства и отъем собственности аборигенов); *rampant violence* (свирепствующее насилие); *spiraling massacres and decimation of local Alaska Native populations* (все возрастающие мучения и истребление коренного населения

Аляски) и т. п. Такая лексика, являясь сильным эмоциональным раздражителем, способствует оптимальной фиксации отрицательных установок по отношению к России, концентрируя внимание читателя вокруг смыслов, «стереотипичных» для американского (с учетом истории далеко не мирного освоения территорий современных штатов) и европейского (традиционная борьба с неравноправием в отношении женщин) читателя. Отсутствие четкой и связной аргументации не влияет на интерпретацию поданной информации, поскольку используются уже сложившиеся стереотипы и затрагивается чувственная сфера восприятия человека, которая не может не реагировать на описание таких «зверств».

Категориальный анализ политического мифа как сегмента социальной реальности, определенного в «пространственно-временных» координатах различного уровня, мы продолжим исходя из того, что любое событие или явление общественной жизни так или иначе детерминировано качественно и количественно. Экономические, геополитические, культурные изменения, стремительное развитие информационных технологий оказывают сильнейшее воздействие на все сферы общества и сопровождаются появлением новых качеств, новых сущих социального бытия: «электронные СМИ», «черный лебедь», «е-правительство» (электронное правительство), «параллельный импорт», «квир», «культура отмены» и т. д. Так, например, в западной культуре продолжает не просто укрепляться, но и «твориться» социальный «миф о нетрадиционной семье»: на первый взгляд, с количественным увеличением «вариантов гендерной идентификации» (и соответственно, букв и символов в аббревиатуре ЛГБТ – А, +, Q и т. п.) могло появиться некое новое качество, социальный организм, сосущество-

ющий с традиционными социальными институтами и малыми группами. Всесторонние научные исследования показывают обратное не только в биологическом, но и этическом, юридическом, психологическом отношении: в частности, вполне определенное качественно, количественно и даже пространственно отношение – «однополый брак» – отечественные социологи характеризуют как «тупиковый вид союза с точки зрения продолжения рода и существования человечества» [15, с. 85].

Что касается мифа *политического*, то здесь нужно учесть ряд нюансов. С одной стороны, важно понимать, что любой миф архетипичен, и его политическая разновидность не исключение. В. З. Демьянков, в частности, указывает на то, что символы, которыми оперируют политики в своей речи, «должны быть созвучны массовому сознанию» [16, с. 38]. С учётом того, что уже достаточно долгое время в западных СМИ усиленно формируется мнение по поводу России как «символа средоточия зла», вся лингвистическая составляющая этого процесса способствует тому, что у массового адресата не только сформировались устойчивые стереотипы в отношении нашей страны, но прочно вошли в его запас фоновых знаний, совместимых с его когнитивным пространством.

С другой стороны, на языке онтологии «властная» природа политического мифа сама по себе минимизирует количество участников любого политического процесса, максимально однозначно определенных *качественно*. Далее, идентификация подчинения (порабощения, субординации) формально закрепляется символически с использованием архе- и стереотипов. Более того, если рассматривать (гео)политические высказывания с точки зрения референции, т. е. соотношения высказывания с действительностью, то здесь можно выделить так называемые

ложные презумпции – языковые средства, служащие для описания событий, не имеющих места в реальности. Как отмечается в современных исследованиях, на их основе могут формироваться конструкции с подменной аргумента, за которыми не стоит проверенная и обоснованная информация [17, с. 43]. В приведенном ранее примере статьи из Politico автор ставит целью сделать Россию неким идентификатором мирового зла. А с учётом того, что верификация по надёжным источникам данной информации недоступна массовому читателю и он не стремится критически её переосмыслить, коммуникативно-прагматическая цель отправителя, а именно добиться *understanding of Russia as a colonial power (понимание России как колониальной державы)*, может быть успешно достигнута. Мир во всех отношениях – геополитическом, экономическом, культурном – становится многополярным *per se*, но не в мифологии политики: здесь «должны» преобладать образы «спасителя мира», «колониалиста-угнетателя», «народо-жертвы» и т. п., т. е. смысловое *пространство* мифа предельно поляризуется и уплощается.

Особым инструментом категориального анализа политической мифологии являются *модальные* категории действительного, необходимого и возможного. В контексте модально-логической концепции «возможных миров» [18], а также с учетом специфики нашего исследования, данные модальности могут быть интерпретированы следующим образом: *аподиктическими* признаются суждения о социальной реальности, истинные во всех «мирах», *ассерторическими* – истинные в «действительном социальном мире», *проблематическими* – истинные, по крайней мере в одном из «возможных миров» («миры» здесь – абстрактные конструкции, логические модели, социальная со(бытийность) в которых фикси-

руется при помощи определенных простых суждений).

При этом, как и в случае с атрибутивными онтологическими категориями, мы должны отличать логическое «суждено» от онтологического «есть». В частности, модус необходимости в онтологическом смысле указывает на наличие некоторой закономерности как устойчивой внутренней основы возникновения, существования и распространения политического мифа, в то время как логически правильная цепочка следствий из ложной посылки может сильно «размыть» контуры такой закономерности, исказить реальность, «укрепить» миф. На фоне сокрытия политическими оппонентами невыгодных для их мифотворчества фактов, несогласованности и политической ангажированности международных юридических институтов и т. д. реальные события сначала будут заменены в массовом сознании на *возможные* (с суждениями о них в «проблематическом» модусе), а эти возможные – снова на «действительные», но не в онтологическом, а в лингвистическо-логическом смысле. Другими словами, от события останется только его описание в ассерторическом суждении *S есть (или не есть) P*, подчас доведенное до абсурда «детского каннибализма у коммунистов», «медведей на улицах русских городов», «зверств на Аляске» и т. п. Все дело в том, что проблематическая модальность – самая «слабая» с онтологической точки зрения, поэтому она характерна скорее не для «естественной» мифологизации, а для управляемого социального мифотворчества. В этом отношении весьма показательны формирование идеологии ЛГБТ+-сообществ: понятия «квир» и «квешенинг» призваны «с гордостью» закреплять бытийный статус «неопределенности как она есть», выступая, по сути, классическим примером симулякра. Выпадая из системы социаль-

ных координат, уходя от качественной определенности не только в биологическом, но и в социально-ролевом смысле, личность становится на путь «проживания без смысла», становится мишенью, инструментом политических и буржуазных сил, реализующих за ее счет свою неизбывную волю к экономической, социально-психологической и буквально физической власти.

Выводы

На фоне глобальных мировых процессов, протекание которых сопряжено с масштабной сменой мировоззренческих ориентиров в пределах относительной устойчивости атрибутивных характеристик социально-антропологической реальности, трудно переоценить значение политической мифологии в формировании новой картины мира в ее наиболее общем, философском понимании. Как правило, политический миф консервативен, содержательно «стабилен», и одних социологических, психолингвистических, юридических исследований недостаточно для воссоздания целостной картины происходящего. Рассмотрев процессы мифологизации и мифотворчества с позиций социальной онтологии, формализовав их с помощью классической методологии категориального анализа, мы пришли к пониманию политического мифа как системы атрибутивных и модальных «координат», задающих модель социально-политического явления или процесса в контексте властных отношений (со)подчинения. Символически выраженные, архетипично артикулированные, такие отношения онтологически редуцируются до минимального количества политических акторов и качественных связей между ними («колонизатор-жертва», «защитник-агрессор» и т. п.); предельного «уплощения» социально-пространственных и социально-временных координат («вневре-

менной, извечный враг», географическая и национальная «привязка» и т. п.).

Данный подход позволит четко разделить онтологические статусы асерторически верифицируемых и претендующих на истинные (но не являющиеся таковыми) социально-политических и экономических событий; дать их оценку в строгих формулировках юридических и

дипломатических положений (законы об иноагентах, согласованность международных правовых норм и т. д.); провести четкую границу между идеологизированным манипулятивным мифотворчеством и «естественной мифологизацией»; наметить контуры демифологизации и перемифологизации в интересах национальной безопасности российского государства.

Список литературы

1. Ницше Ф. Антихрист // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 829 с.
2. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 351 с.
3. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной религии и культуры. СПб.: Лен-издат, 2014. 224 с.
4. Cassirer E. The Myth of the State. New Haven: Yale University Press, 1974. 320 p.
5. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 264 с.
6. Корниенко Т. А. Сущность и структура политического мифа // Власть. 2009. № 10. С. 49–53.
7. Каплун В. Л. Миф Дюркгейма: что Витгенштейн и Райл могли бы сказать о пригодности основных понятий социальных наук // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22, № 2. С. 29-49.
8. Букин Д. Н., Волохова Н. В. Специфика современного социально-онтологического исследования: теория и практика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 249-259.
9. Сорокин П. А. Человек. цивилизация. общество. М.: Издательство политической литературы, 1992. 543 с.
10. Целыковский А. А. Структура, свойства и функции политического мифа // Logos et Praxis. 2019. Т. 18, № 3. С. 18-24.
11. Сорокин П. А., Мертон Р. К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 112-119.
12. Колычев П. М. Релятивная онтология. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. 227 с.
13. Сагатовский В. Н. Триада бытия (введение в неметафизическую коррелятивную онтологию). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. 123 с.
14. Почепцов Г. Психологические войны. М.: Рефл-бук, 2000. 523 с.
15. Новоселова Е. Н. Однополый «брак» – тупиковая ветвь эволюции семьи и общества // Вестник Московского университета. Серия: Социология и политология. 2013. № 3. С. 85-103.
16. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политический дискурс. История и современные исследования: сборник научных трудов. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2002. С. 33-43.

17. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет, 2011. 232 с.
18. Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge: Harvard UP, 1980. 172 p.

References

1. Nietzsche F. Antichrist. In: Works. Vol. 2. Moscow: Mysl; 1990. 829 p. (In Russ.)
2. Barth R. Mythology. Moscow: Akademicheskii proekt; 2008. 351 p. (In Russ.)
3. Freud Z. Totem and taboo. The psychology of primitive religion and culture. St. Petersburg: Lenizdat; 2014. 224 p. (In Russ.)
4. Cassirer E. The Myth of the State. New Haven: Yale University Press; 1974. 320 p.
5. Flad K. Flood K. The political myth. Theoretical research. Moscow: Progress-Traditsiya; 2004. 264 p. (In Russ.)
6. Kornienko T.A. The political myth essence and structure. *Vlast' = Power*. 2009;(10):49–53. (In Russ.)
7. Kaplun V.L. The Myth of Durkheim: what Wittgenstein and Ryle could say about the suitability of the basic concepts of social sciences. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Sociological Review*. 2023;22(2):29-49. (In Russ.)
8. Bukin D.N., Volohova N.V. The specifics of modern socio-ontological research: theory and practice. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023;13(1):249-259. (In Russ.)
9. Sorokin P.A. Man. civilization. Society. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1992. 543 p. (In Russ.)
10. Celykovskij A.A. Structure, properties and functions of a political myth. *Logos et Praxis*. 2019;18(3):18-24. (In Russ.)
11. Sorokin P.A., Merton R.K. Social time: the experience of methodological and functional analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2004;(6):112-119. (In Russ.)
12. Kolychev P.M. Relational ontology. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta; 2006. 227 p. (In Russ.)
13. Sagatovskij V.N. The Triad of being (an introduction to non-metaphysical correlative ontology). St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta; 2006. 123 p. (In Russ.)
14. Pochepcov G. Psychological wars. Moscow: Refl-buk; 2000, 523 p. (In Russ.)
15. Novoselova E.N. Same-sex "marriage" – a dead-end branch of the evolution of family and society. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya i politologiya = Bulletin of the Moscow University. Series: Sociology and Political Science*. 2013;(3):85-103. (In Russ.)
16. Dem'yankov V.Z. Political discourse as a subject of political philology. In: *Politicheskii diskurs. Istoriya i sovremennye issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov = Political discourse. History and modern research: Collection of scientific papers*. Moscow: Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN; 2002. P. 33-43. (In Russ.)
17. Danilova A.A. Manipulation of the word in the media. Moscow: Dobrosvet, 2011. 232 p. (In Russ.)
18. Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge: Harvard UP; 1980. 172 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Букин Дмитрий Николаевич, доктор философских наук, доцент кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, Волгоградская область, г. Волжский, Российская Федерация, e-mail: hetfieldukin@mail.ru

Волохова Наталья Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: volna-sha@rambler.ru, Researcher ID: T-7441-2018, ORCID: 0000-0002-7048-3509, Scopus ID: 57189517020

Медникова Юлия Ивановна, кандидат филологических наук доцент кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, Волгоградская область, г. Волжский, Российская Федерация, e-mail: yul.mednikowa@yandex.ru

Dmitry N. Bukin, Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Department of Economics and Social and Humanitarian Disciplines, Volzhsky Branch of Volgograd State University, Volgograd Region, Volzhsky, Russian Federation, e-mail: hetfieldukin@mail.ru

Natalia V. Volokhova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy, Kursk State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: volna-sha@rambler.ru, Researcher ID: T-7441-2018, ORCID: 0000-0002-7048-3509, Scopus ID: 57189517020

Yulia I. Mednikova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Economics and Social and Humanitarian Disciplines, Volzhsky Branch of Volgograd State University, Volgograd Region, Volzhsky, Russian Federation, e-mail: yul.mednikowa@yandex.ru